

От автора

История этой книги долгая. Началась она лет пятнадцать — двадцать тому назад¹, когда ко мне обратилось одно из крупных московских издательств с предложением написать книгу. Я категорически отказался. И мотивировал это просто и откровенно: «Никогда не брал в руки перо (режиссерская работа со сценарием — совсем другое дело), не знаю, может ли у меня получиться что-то стоящее. И вообще, кому это интересно — мои размышления об искусстве, мои воспоминания? Моя жизнь — в моих ролях, в моих фильмах». Да и времени тогда у меня не было: я был занят большой и интересной работой. Так что отказался и забыл думать о книге. Но, видимо, в душу после предложения издательства все же что-то запало.

Толчок к написанию воспоминаний мне дала сама жизнь. В начале перестройки, когда, как говорят, «подули ветры перемен», состоялся печально известный своими разрушительными последствиями, «революционный» Пятый съезд кинематографистов, перевернувший во мне все. Я был так воспитан, что считал: революция — это обновление, весна, новая жизнь. Но то, что произошло на съезде!.. Да, революция разрушает старое во имя нового, лучшего, но не такой же ценой!

В президиуме съезда сидели двадцать пять убеленных сединой мастеров советского кино, создавших ему не только всесоюзную, но и мировую славу. Сергей Герасимов, Сергей Юткевич, Григорий Чухрай, Юлий Райзман, Сергей Бондарчук... И всех их «разметали», называя генералами от кино, баловнями системы, властей, объявили чуть ли не врагами кино, тормозящими его развитие! И кто объявил? Те, кто после «обновления» так ничего и не смог создать достойного прежней славы нашего кино... Вот и имеем то, что имеем... Поистине, разрушать — не строить.

¹ Воспоминания печатаются по изданию: Матвеев Е.С. Судьба порусски. М.: Вагриус, 2000.

Досталось и мне. Я до такой степени был потрясен случившимся, той бесцеремонностью по отношению к признанным мастерам, а если говорить напрямую, то откровенной наглостью, хамством, злобной завистью, что все пытался понять — в каком же состоянии души «революционеров»-гонителей? как такое могло в них таиться столько лет?

Для меня это был страшный удар! Сознаюсь: тогда я решил, что мир рухнул, солнце померкло. Зачем и для чего жить? Все, сделанное мною прежде, никому не нужно? Боль, отчаяние были такими нестерпимыми, что, если бы не дети, внуки, со мной могло бы произойти самое страшное: я был близок к тому, чтобы наложить на себя руки. Жизнь, моя работа, фильмы, роли — все потеряло для меня смысл...

Но не зря говорится, что время лечит. Боль постепенно утихла, но, конечно, не проходила. И вот, чтобы занять себя чем-нибудь, чтобы осмыслить для самого себя свою жизнь, все, что пережил, что удалось или пока не удалось сделать, я решил начать писать. Нет, не книгу, а просто рукопись для детей и внуков. Мне тогда подумалось: а что, собственно, они знают про то, как жилось и живется их деду и отцу? О моей жизни они должны узнать от меня самого, а не из газетных и журнальных публикаций, среди которых было немало предвзятых, недоброжелательных, полных слухов, сплетен, домыслов. Ведь я видел за свою жизнь очень многое — и то, что приводило меня в восторг, и то, от чего делалось страшно... Почему бы не поделиться этим? Я хотел оставить детям и внукам записки — может, когда-нибудь они пригодятся им на их жизненном пути... Естественно, ни о каком издании книги я тогда и не думал, просто сидел и писал о том, о чем хотелось рассказать. Но жизнь в очередной раз нанесла мне удар: те триста страниц, которые я награфоманил, у меня украли...

Известно, что в жизни ведь как бывает? — печаль и радость ходят рядом. Так и со мной случилось. В это время ко мне обратилось еще одно издательство с просьбой издать у них мою книгу: видимо, они узнали, что я работал над воспоминаниями. Я признался им, что говорить-то не о чем, рукописи, увы, нет. Они были настойчивы: «Неужели ничего не осталось? Ни заметок, ни черновиков?»

Я попросил дочь Светлану: «Поищи, посмотри, может, где-нибудь что-нибудь сохранилось?» Дочь стала искать, нашла какие-

то копии глав, лишь часть того, что было написано мною раньше.

Я показал это в издательстве и был удивлен, что они приняли. Вскоре вышла миниатюрная книжечка. Дальше — больше. Раздался звонок из издательства «Вагриус» с предложением написать большую книгу воспоминаний. Рука снова потянулась к перу...

Теперь у меня появилась уверенность, что все, о чем я могу рассказать, кому-то действительно интересно. Кроме того, я подспудно чувствовал за собой вину перед зрителями — теми, кто в течение многих лет присылал мне свои письма (порой, после выхода очередного фильма, я получал их по 10–15 тысяч), где они задавали мне много вопросов. Конечно, ответить на каждое письмо я не мог — это было нереально, поэтому посылал только по возможности открытку со своим портретом.

Из этих писем, а также из устных вопросов, которые мне задавались из зала во время многочисленных встреч со зрителями в кинотеатрах, клубах, на телевидении, я извлекал зерна интереса людей к тем или иным темам. И решил — книга моя будет ответом на те вопросы зрителей. Даже если я отвечу в ней пусть только на часть того, о чем меня спрашивали, то буду считать, что выполнил свою задачу.

По сути дела, книга эта — наше общее со зрителями творчество, потому что импульс, толчок рассказать о том или этом идет от них, моих почитателей. Спасибо им...

Вопросы зрителей были разными — и главы книги получились разными. Один вопрос требует пространный ответ, на другой можно ответить кратко. Этим и объясняется, что главы в моей книге не равнозначны. Прошу читателя быть снисходительным и позволю себе вспомнить известные всем нам со школьной скамьи строки русского гения:

Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав.
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Как и люди, книги не должны быть похожими друг на друга. Мне, например, гораздо интереснее человек с неповторимым обликом, неповторимым характером, особым образом мыслей. Так и книги — в них должна ощущаться индивидуальность их авторов. Я прочел немало мемуарной литературы и обнаружил, что большинство воспоминаний написано по обычной схеме: родился, учился, женился, работал, встречался... А мне хотелось, чтобы моя книга хоть чем-то отличалась от подобных мемуаров.

Мне захотелось показать на ее страницах работу художника, творца, рассказать о своих наблюдениях и впечатлениях, что остались в моей актерской «записной книжке» — той, что хранится в душе, в сердце, а не в кармане пиджака.

Откуда мы, актеры, берем то, что выносим на экран? Из наших наблюдений за жизнью, за людьми. Можно хорошо выучить текст роли, сыграть старательно, даже с мастерством то, что написано в пьесе, в сценарии, но для настоящего исполнения, которое затронет сердца наших зрителей, нужно гораздо большее — осмысление того, что ты играешь. А для этого необходим опыт, не только актерский, но и жизненный, опыт сердца, опыт чувств. А он возникает из философского осмысления жизни, из проникновения в нее.

Мне хотелось напомнить читателям, и особенно молодым актерам, что работа артиста, художника, творца не прекращается ни на минуту, даже если он едет в трамвае или сидит в столовой. Он наблюдает: как вот этот человек садится, встает, как тот держит газету, пододвигает к столу стул, держит ложку... Он фиксирует все, что видит. И откладывает в свою «кладовую памяти».

Я не претендую на то, чтобы меня считали писателем. Просто я хочу поделиться тем, что увидел в этой жизни, заметил в той или иной ситуации, показать то, что меня «зацепило», запечатлелось в душе, в сердце, в памяти. Поэтому книга и выстроена в виде новелл. А из этих новелл выстраивается и моя судьба.

Балалайка

Эта глава о том, с чего для меня начался путь «в артисты». Артист начал проявляться во мне, пожалуй, еще тогда, когда я и представления не имел, что существует такая профессия. Заразиться этой «болезнью» было неоткуда. Детство мое проходило в степном селе Чалбасы (ныне Виноградово) на Херсонщине. Ни радио, ни кино, ни театра... И среди детворы, и среди взрослых я слыл «чудачком»: частенько по просьбе односельчан показывал, как колхозный бугай ходит, как теленок тычется в вымя матери, как петух гоняется за курицей, как...

Чалбашан-то я потешал, а самому невыносимо хотелось петь жалобные песни. Песен я знал много, и почему-то все они были с грустинкой. Почему?

Наверное, потому, что мне не раз приходилось слышать о себе: «А цей чудачок — байстриук»... Байстриук — значит незаконнорожденный. Случилось так, что моя мама (она красивая была), Коваленко Надежда Федоровна, украинка, неграмотная, встретила моего будущего отца — Матвеева Семена Калиновича, русского, образованного. Гражданская война занесла его в Таврию, на юг Украины. Но вскоре после моего рождения отец бросил нас, и маме пришлось со мной вернуться в Чалбасы, в дом родителей.

Мой богомольный дедушка не простил маму за послушание: шутка ли, вышла замуж за коммуниста, без благословения, без венчания. Унижения, оскорбления — их мама испытала с избытком. И гордо, достойно сносила все это, но только на людях, а наедине со мной, где-нибудь в закутке, плакала, приговаривая: «Дитятко ты мое...»

Мне кажется, что слезы матери запечатлелись в моей детской душе навсегда. Не знаю, может, потому и сегодня в своих режиссерских работах я всеми силами отстаиваю честь и достоинство женщины. А тогда хотелось утешить маму песней, и уж, конечно, под собственный аккомпанемент.

— Дедусь, купи мени балалайку, — с опаской обратился я к дедушке.

— Заробы и грай! — так коротко и просто ответил дед.

Возможно, кто-то и не поверит, но я начал работать в свои девять мальчишеских лет. И для себя исчисляю трудовой стаж с этого момента. Это же прекрасно — приучиться к труду с малолетства.

А работы в селе всякой хватало: возил пахарям из села в поле воду в бочке, ездил с грабкой по жнивью, подбирая разбросанные валки соломы, водил лошадей по борозде, собирал колоски... Все, что было под силу и не под силу. Главное же — на балалайку я заработал сам.

И началось треньканье. Вскоре из беспорядочных «брынь-брынь-брынь» стала проявляться мелодия. Какое сладостное чувство испытывал я, когда мама или соседи, прослушав «исполнение», говорили: «Так це ж “Повий витрэ на Вкраину, дэ покынув я дивчину”!» Узнавали!..

Такое поощрение побуждало меня с еще большей силой совершенствовать «мастерство». Недолго пришлось ждать и всеуличного признания — мои «сольные концерты» стали почти нормой.

Собирались возле нашего двора женщины, усаживались на бревно у плетня и просили: «Женько, спивай!»

Как же было им не петь? Сидели они торжественно, «як у церкви», в белых платочках, с только что помытыми босыми ногами. Я пел:

Вот сейчас, друзья, расскажу я вам:

Этот случай был в прошлом году.

Как на кладбище Митрофаньевском

Отец дочку зарезал свою...

Такими вот двадцатью жалостными куплетами терзал я своих односельчанок. А они молчали, всхлипывали. Бывало, только тетка Марина (она была самая грамотная) заключит: «Жизненно!..»

Как-то мама сказала мне:

— Сынок, не печаль людей, ты их повесели.

Это был уже заказ. Как сейчас бы сказали, «социальный заказ». И кинулся я по селу собирать частушки — собралась их у меня прорва. Исполняя их, я озорничал и, кривляясь, показывал действующих лиц. Хватаясь за животы, хохоча до слез, слушатели приговаривали: «Ой, смишный... Ну, кривля-ка!» Позже я узнал, что «кривляка» — это по-городскому значит почти пародист.

Цитировать здесь частушки не буду: хоть у нас и свобода слова, но... Правда, кое-что вошло в мои фильмы «Любовь земная» и «Судьба», конечно же, в сильно отредактированном виде.

Не тут ли начинался во мне артист? Я ведь сам испытывал наслаждение оттого, что страдал, исполняя горестную песню, до одури веселился от ядреной частушки... Но главное — плакали и смеялись слушатели, зрители!

О! Это желание эмоционально владеть публикой... Это опиум, зараза, дурман! Поразительно, но она сама за этим и приходит в зрительный зал. Публика словно просит: «Всколыхни меня!», «Отвлеки от скучных буден жизни!..»

Да, давненько не брал я в руки балалайку!..

А бретл мет а лох

Цалбасы было глухим селом, находилось вдали от дорог. И школа там была только семилетка. Учителя говорили маме, что я очень способный, что семи классов образования мне будет мало, что мне надо учиться дальше. Мама и сама это понимала. Она решила уехать из родного села в районный городок Цюрупинск, где бы я мог учиться в школе-десятилетке. Мама устроилась работать в ней уборщицей, а я с головой окунулся в новую для себя жизнь.

В Цюрупинске я впервые увидел кино, узнал, что такое театр, пока, правда, любительский. Настоящий театр был в Херсоне, который находился от нас в двенадцати километрах.

Свою потребность «представлять» я утолял всеми доступными мне способами. Чем только я не увлекался! Приезжал в Цюрупинск фокусник-гастролер, и я, пораженный его искусством, начинал уже недели через две-три показывать ребятам фокусы, которые сам придумывал или вычитывал в специальных книжках, разыскивая их везде, где можно. Мои выступления перед соучениками сопровождал игрой на балалайке одноклассник Гриша Горлов, на голове которого я сооружал чалму, чтобы все у нас было по-настоящему.

Приезжал в городок с гастрольями какой-нибудь танцор, приводил меня в восторг, и я начинал самозабвенно не просто танцевать, а утанцовывался до такой степени, что и вспомнить страшно. Так меня и бросало от одного увлечения к другому. Но кончилось тем, что я все же «прибился» к драматическому театру.

Херсонский театр был музыкально-драматическим, там ставились спектакли, в которых были песни и танцы. В таких пьесах, как «Бесталанная» И. Карпенко-Карого, «Дай сердцу волю, заведет в неволю» М. Кропивницкого, «Назар Стодоля» Г. Шевченко, обязательно присутствовали на сцене колорит-

ные персонажи — народные музыканты. Поэтому при приеме в театр учитывали способность актеров петь и танцевать.

И вот до Цюрупинска дошла весть, что Херсонский театр объявил набор в студию. Я загорелся и решил, что должен поступить туда, должен учиться там, — это было то, к чему я стремился всей душой, о чем мечтал. До областного центра пришлось добираться на барже с арбузами, потому что мы с мамой жили очень бедно, у меня не было денег даже чтобы заплатить за билет на пароход.

На просмотре в театре я так волновался, что, когда меня попросили что-нибудь спеть, затянул «Интернационал»: «Вставай, проклятьем заклеименный...» Не более не менее... Ничего другого в тот момент вспомнить не мог — ни ядерных частушек, ни жалостных песен, которые так нравились односельчанам.

Но мою судьбу решила пляска. Даже не столько она, сколько моя неказистая обувка. Она была у меня такая старенькая, что одна подошва оторвалась и я прикрепил ее проволочкой. Когда перед членами комиссии я пустился вприсядку, эта проволочка отлетела, и в такт пляске подошва стала шлепать по полу: хлоп!-хлоп!-хлоп!.. Видимо, зрелище было настолько комичным, что все, кто были тогда в зале, хохотали до слез. И комиссия решила: «Берем этого паренька! Он наш...» Так я стал учиться в студии и одновременно работать статистом, потому что театр постоянно занимал нас, студийцев, в массовых сценах во всех спектаклях.

Из тех девяноста рублей, что получал я за работу статистом, пятьдесят платил за «угол», который снимал у тети Симы Абрамович. А «угол» и вправду был в углу проходной комнаты, разгороженной огромным старинным шкафом. Там впритык к стене на деревянных «растопырках» и стояла моя раскладушка. Понятно, что в этих апартаментах комфорта, при всем желании, я испытать не мог. До сих пор помню скрип, писк, треск и скрежет створок того «буржуйского» монстра. И рассказ о нем моей хозяйки:

— Чтoб ты таки знал, что в этом гардеробе висел кустюм... — Произнося «кустюм», тетя Сима старательно вытягивала губы в трубочку. — Самого Григория Потемкина! Чтoб

ты таки знал!.. — Тетя Сима, пошаркав толстенными ногами по замызанному паркету, уходила и снова возвращалась. — Это говорила моя бабушка Ида, она врать не будет. А шо, ты сам не видишь? Это же рококо, а может, и сам ампер...

— Ампир, — поправлял я из-под одеяла.

— Он мне будет говорить, что мне говорить! Будто я сама не знаю, что мне говорить! — беззлобно отвечала старуха, неся свое рыхлое тело на кухню. Откуда уже с укором раздавалось: — Ты бы не вылеживался, а прочел «Напрянку» (так она называла местную газету «Надднпрянська правда». — *Е.М.*). Что там пишут: все ли люди живы-здоровы? — Эти слова относились уже не ко мне, а к сыну Леве.

Мною давно было замечено, что тетя Сима заглядывала в «Напрянке» сразу на последнюю страницу и тут же или брезгливо отшвыривала газету к печке (это значило, что в ней не было публикации некролога), или визгливо, еле сдерживая удовольствие от прочитанного, кричала в спальню сыну:

— Левушка! Ты подумай какое горе: умер директор хлебопекарни... Ты бы, сынок, позвонил Яше, может, людям помочь надо.

Лева, сидя за столом, переносил с одного нотного листа на другой бемоли и бекары и нехотя, с долей раздражения отвечал:

— Это дело, мама, уже на крючке.

Сима понимала — халтура будет. Но ей так не терпелось узнать подробности, и она робко спрашивала:

— Не помнишь, Левочка, когда это будет?

— Лабать жмурика будем завтра, мамочка.

За полгода квартирования у Абрамовичей я научился понимать «лабухский» (музыкантский) жаргон: «жмурик» — это покойник, «лабать» — играть на похоронах.

У тети Симы было два сына: младший, Лева, играл в театральном оркестре, а Яша работал часовщиком. Но главный доход в семейный бюджет они приносили с похорон и свадеб. В духовом оркестре Яша дул в трубу-баритон, а Лева «бухал» в большой барабан и «ляпал» в медные тарелки.

На те тридцать рублей, что оставались у меня от зарплаты (после вычетов на членские взносы: комсомольские, в Крас-

ный Крест, в ОСОАВИАХИМ¹, В МОПР² и прочие), я худо-бедно питался. Думать о рационе, сочинять меню — тут у меня голова не болела: повидло и тюлька стояли в магазинах бочками. Бывало, кидался я и в разгул: покупал 100 граммов халвы, 100 граммов ливерной колбасы. Все это мигом съедал — и спать.

Правда, сразу погрузиться в сон не всегда удавалось — беспокоили сказочные запахи из кухни Абрамовичей: фаршированной рыбы, курятины с чесноком, пирогов с мясом... Эти муки я испытывал всегда, когда моим хозяевам выпадала халтура со «жмуриком».

Однажды Лева вдруг предложил мне пойти с их оркестром на еврейскую свадьбу, чем привел меня в удивление и даже растерянность.

— А что я там делать буду?

— Чудак, будешь стоять возле нас и помахивать в такт мелодии. Вроде как дирижер, понял?

— Неудобно как-то...

— А удобно тюльку глотать, как Мартын мыло? Удобно? Потом от пуза поужинаешь с нами.

«Хороший парень Лева, — подумал я. — Что ни говори, все-таки коллега, понимает страдающего». Одним словом, голод не тетка, и я согласился.

Готовился к свадьбе с особым трепетом и торжественностью: отутюжил выдавшие виды штаны, а галстук и рубашку взял в костюмерной театра.

— Ну, не капельмейстер, а прямо-таки сам жених! — оглядев меня со всех сторон, сказала милая костюмерша Дуся. И добавила: — Слухай, Женю, а може, тебе фрак надеть? А то я быстренько... Не, нельзя, — спохватилась она. — Он же, чертяка, в нафталине увесь — завоняешь свадьбу. — И рассмеялась, прикрывая ладошкой беззубый рот.

Студенческая столовая мореходного техникума, которую сняли для проведения свадьбы, наполнялась гостями.

¹ Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству.

² Международная организация помощи борцам революции.